

Н.Р. Славитский

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 1880-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ)

Статья посвящена такому явлению, как российская политическая ссылка конца 1880-х годов. На основе документальных материалов архива Министерства юстиции описываются судьбы людей, сосланных в административном порядке в Вологодскую губернию. Этот вид наказания относился к числу достаточно мягких, он применялся в отношении сочувствующих партии «Народная воля» и первых социал-демократов. Статья рассказывает об обстоятельствах жизни ссыльных, в числе которых были не столько известные политические деятели последней четверти XIX века, сколько люди гораздо меньших политических амбиций.

Политическая ссылка, «Народная воля», Вологодская губерния, Сольвычегодск, Кадников.

Во второй половине 1880-х годов партия «Народная Воля» была практически разгромлена полицией. При этом народовольцы еще пытались воссоздать свою организацию, продолжать террористическую деятельность. Наиболее известными в это время стали попытка покушения на императора Александра III в марте 1887 г., а также деятельность подпольной типографии народовольцев в Таганроге, созданной стараниями Б. Оржиха и его соратников, стремившихся к созданию южной группы. История этих организаций и судьбы их участников подробно изучены в отечественной историографии, большинство задержанных подвергалось серьезным наказаниям (смертная казнь и ссылка в Восточную Сибирь). Вместе с тем в историографии остаются некоторые лакуны, касающиеся более мягких форм наказания, применявшихся к сочувствующим партии «Народная воля», в частности, их административной ссылки в Вологодскую губернию. На этой проблеме мы и остановимся в данной статье.

Еще с 1860-х годов в России сложилась своеобразная «иерархия» регионов политической ссылки. Наиболее строгим административным наказанием являлась ссылка в Восточную Сибирь (туда отправляли наиболее опасных политических преступников), далее следовали Западная Сибирь и Архангельская губерния, а Вологодская и Олонецкая губернии воспринимались как место более легкого наказания: туда, как правило, высылали тех, кого не считали опасным. Подобные дела решались императором по представлению министра юстиции, который получал от министерства внутренних дел материалы дознания и составлял доклад, где сообщал суть совершенного деяния, а также писал свои предложения, какое наказание назначить каждому участнику дела. Император, как правило, утверждал доклад, после чего он принимал силу закона (это считалось «высочайшим повелением»).

В случае применения подобного рода наказания за человеком сохранялись все его сословные права, но

ограничивалось место его проживания и за деятельностью этого человека учреждался надзор полиции. Ехать полагалось за свой счет, но если у ссыльного не было денег, он мог обратиться в полицию и отправиться в ссылку за казенный счет («по этапу»). По прибытии на место ссылки документы у ссыльных отбирались, им выдавался вид на жительство, жить человеку полагалось в «определенном тому месте», при этом временные отлучки разрешались по уважительным причинам и при «одобрительном поведении поднадзорного». Разрешение на временную отлучку выдавал местный начальник полиции (в пределах уезда), губернатор (в пределах губернии) или министр внутренних дел (в случае выезда в другую губернию) [4, с. 98].

В Вологодскую губернию были высланы многие уроженцы юго-западных российских губерний, сочувствующие партии «Народная воля». Обратимся к описанию судеб некоторых из них.

В первую очередь следует отметить 33-летнего сына священника Федора Константиновича Грекова, который был задержан в начале апреля 1884 г. Он родился и вырос в Харьковской губернии, в Харькове учился в духовной семинарии, но в 1878 г. решил стать журналистом и переехал в Санкт-Петербург. В столице Федор Константинович сотрудничал с небольшими газетами, в 1883 г. стал секретарем одного из изданий («Новости») и в то же время познакомился с членами партии «Народная Воля». В то время Г.А. Лопатин пытался восстановить партийные ряды, для этого ездил по стране, а в Санкт-Петербурге формировался своеобразный «центр», одним из руководителей которого и стал Ф.К. Греков (вместе с Л.Д. Черновой). Через него проходила переписка Г.А. Лопатина с другими группами, кроме того, в квартире Ф.К. Грекова проходили встречи лидеров партии. Это вызвало подозрения у полиции, и Федор Константинович был в итоге арестован, три недели пробыл в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона

Петропавловской крепости, а затем в Доме предварительного заключения [2, д. 1138, л. 9 об.].

На допросах он сразу признался «в знакомстве с революционными деятелями и в оказании им содействия путем передачи писем и устройства свиданий», а также стал давать откровенные показания, которые позволили полиции установить других участников революционного движения в Санкт-Петербурге [3, д. 421, л. 105–106]. При этом он умолчал о своей роли в партии, повернув дело так, что все знакомства были практически случайными. Поэтому его дело не стали передавать в суд, а наказание назначили предельно мягким. По предложению министра юстиции, которое было утверждено императором в январе 1886 г., Ф.К. Грекова выслали в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции сроком на три года [3, д. 421, л. 124].

По прибытии в Вологду он был «вдворен на жительство» в городе Кадникове (конкретное место жительства поднадзорного определяло местное начальство) и прожил там полтора года. Летом 1888 г. Ф.К. Греков обратился с прошением в министерство внутренних дел, в котором указал «на болезненное свое состояние и на полное отсутствие средств для поддержания существования своего и старухи матери», в связи с чем ходатайствовал об освобождении от надзора. Так как от революционного движения он полностью отошел и в ссылке «ни в чем предосудительном замечен не был», Ф.К. Грекова помиловали [3, д. 430, л. 71–73]. До 1889 г. он проживал в Вологде, где работал конторщиком лесной биржи, после чего переехал на жительство в Санкт-Петербург.

Одновременно с ним в Кадникове жила Вера Михайловна Леонтьева – практически ровесница Ф.К. Грекова, тоже родившаяся в Харькове, работавшая там в одном из магазинов. Ее адрес также использовался народовольцами для встреч и явок, и записки с этим адресом обнаружили у нескольких членов партии, которые оказались в руках полиции. Поэтому Вера Михайловна тоже была задержана, ее судьбу также решили в административном порядке, отправив в июне 1886 г. на три года в Вологодскую губернию [3, д. 423, л. 51–57].

Была ли она знакома с Ф.К. Грековым? Точных данных об этом в нашем распоряжении нет, но выскажем предположение, что они должны были знать друг друга, живя в небольшом уездном городе (да и обвинение у них было одинаковым). Любопытно, что и прошение о помиловании она подала практически одновременно с Ф.К. Грековым, да и причина была аналогичной: ей необходимо было поддерживать свою немолодую маму. Прошение В.М. Леонтьевой также было поддержано министрами внутренних дел и юстиции и 10 августа 1888 г. утверждено императором [3, д. 430, л. 74–76], после чего В.М. Леонтьева вернулась в Харьков.

В мае 1887 г. в Вологодскую область была выслана еще одна уроженка Харьковской области – Ксения Ивановна Трипольская, 23-летняя акушерка. Она входила в состав одной из небольших групп, не связанных с партией «Народная воля», но придерживавшихся той же программы. Ее участники называли себя «группой народников» и в феврале 1886 г. развесили

по Харькову прокламации под названием «Слово к народу» и «Русский народ» (обе были приурочены к 25-летию освобождения крестьян от крепостной зависимости). Полиция довольно быстро вычислила членов группы, и все они были задержаны. У К.И. Трипольской при обыске обнаружили тюк с прокламациями, поэтому отпираться ей было бесполезно. Кроме того, уже во время дознания полицией было перехвачено несколько писем к ней, из которых выяснилось, что она поддерживала тесные связи с народниками в Кременчуге. Поэтому ей, по сравнению с товарищами, было назначено более строгое наказание – высылка на три года в Вологодскую губернию (остальные были подчинены надзору в месте их жительства) [3, д. 425, л. 394–397, 405 об.].

В том же году завершилось дознание по делу о военно-революционных кружках партии «Народная воля», которые были созданы стараниями М.А. Брагинского [5, с. 137–141]. Организаторы этого кружка и лидеры организации были отправлены в Восточную Сибирь, а в Вологодскую губернию были отправлены Николай Григорьев, Василий Алексеев и Василий Данилов [3, д. 426, л. 314–348; 1, с. 166]. Так как никто из них не был военным, их дело решили в административном порядке. О судьбе двух первых ссыльных нам, к сожалению, пока ничего не известно, а вот о В.Ф. Данилове некоторые сведения сохранились.

26-летний инженер-технолог Василий Федорович Данилов входил в состав группы социал-демократов, которая поддерживала связи с кружком военных и занималась антиправительственной пропагандой. На допросах В.Ф. Данилов дал откровенные показания, поэтому и был всего лишь выслан в Вологодскую губернию. Там его определили в Усть-Сысольск, и летом 1888 г. он подал прошение о помиловании, в котором указал, что «он никогда не хотел участвовать ни в какой политической агитации, но дружба с некоторыми товарищами, ныне обвиненными, увлекла его, и что в настоящее время он более, чем когда-либо, далек от возможности примкнуть к движению, которого не одобряет...». Однако полного помилования он не получил, министр юстиции лишь предложил сократить ему срок ссылки на один год (следовательно, в Вологодской губернии В.Ф. Данилову пришлось жить до сентября 1889 г.) [3, д. 432, л. 33–35].

Несколько человек оказались в вологодской ссылке по делу С.Ф. Михалевица – дворянина из Варшавы, входившего в начале 1880-х годов в состав польской социально-революционной партии, поддерживавшей тесные связи с «Народной волей». В 1883 г. он был выслан в Восточную Сибирь, но через два года бежал из ссылки и поселился в Москве, где попытался наладить антиправительственную пропаганду. Однако очень быстро попал под наблюдение полиции, которая сначала выявила все его связи, после чего арестовала всех, кто поддерживал с ним отношения. Всего к дознанию было привлечено 15 человек, часть из них (включая самого С.Ф. Михалевица) отправили в Восточную Сибирь, а трех человек в Вологодскую губернию [3, д. 426, л. 109–110]. Это 23-летний мещанин Николай Андреевич Филиппов, воспитанник Московского технического училища, 22-летний купеческий сын Николай Полиевктович

Щекотов, студент Петровской земледельческой академии, и 28-летний сын действительного статского советника Александр Григорьевич Алякритский, бывший студент Московского университета (был исключен из него в 1880 г. за участие в студенческих беспорядках). Все они обвинялись в том, что поддерживали отношения с С.Ф. Михалевичем, зная о том, что тот находится на нелегальном положении, а А.Г. Алякритский при этом оказывал товарищу материальную помощь. Кроме того, у Н.А. Филиппова при обыске обнаружили запрещенную литературу, и у полиции были сведения, что он был членом существовавшего в Москве тайного кружка (который, однако, выявить не удалось). Так как пропагандой они не занимались и их прегрешения заключались лишь в недонесении властям о месте жительства беглого ссыльного, наказание было не слишком суровым (по сравнению с другими): три года ссылки в Вологодской губернии [3, д. 426, л. 119–125, 138].

Параллельно с этим проходило дознание, связанное с укрыванием в Москве другого члена партии «Народная воля» – бывшего студента Демидовского юридического лица (в Ярославле) П.А. Муханова, жившего на нелегальном положении, занимавшегося антиправительственной пропагандой и являвшегося, по агентурным данным полиции, «посредником в сношениях московских преступных кружков с центральной группой партии “Народная воля”», главным представителем которой (Сергею Иванову, Брорису Оржиху) давал подробные отчеты о ходе революционного дела в Москве и других городах. Кроме того, С.А. Иванов по его паспорту ездил за границу [3, д. 427, л. 89–92]. Для «удобства сношений своих с преступными деятелями» П.А. Муханов снял квартиру у вдовы фельдшера Авдотьи Богдановой, где жил студент Московского университета Николай Иванович Панов. Проходили ли в этой квартире встречи с руководителями организаций, в материалах дознания не указано, но упоминается, что там «происходили чтения запрещенных изданий», которые приносили П.А. Муханов и дочь хозяйки Анна Дмитриевна Богданова, являвшаяся слушательницей женских курсов при 3-й Московской гимназии. Поэтому Н.И. Панов и А.Д. Богданова были привлечены к делу о П.А. Муханове и высланы под надзор полиции в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии на пять лет. Вместе с ними в ссылку отправили также студента Демидовского юридического лица Николая Григорьевича Стефанова (на два года) [3, д. 427, л. 101–114].

Практически одновременно с ними в один из уездов Вологодской губернии был выслан 53-летний отставной коллежский секретарь Савва Дмитриевич Коваленко, обвинявшийся в том, что «сочувствовал противоправительственному движению» и поддерживал связи с И.Г. Тонконовым – одним из членов партии «Народная воля», работавшим в Симферополе. С.Д. Коваленко жил в том же городе, служил в полиции и, возможно, каким-то образом помогал товарищу. Обвинения против него были незначительными, но то, что он служил в полиции, стало отягчающим обстоятельством, и его решили удалить из Крыма, поэтому он тоже оказался на Севере [3, д. 427, л. 54, 63].

Еще одним ссыльным в ноябре 1887 г. стал 24-летний ростовский мещанин Август Андреевич Райх. Католик прусского происхождения вырос в Ростове-на-Дону, в первой половине 1880-х работал слесарем в мастерских Владикавказской железной дороги. В августе 1884 г. он принимал деятельное участие в забастовке, разразившейся в мастерских, после чего был уволен, и в марте следующего года переехал в Киев. Во время проживания в Ростове-на-Дону А.А. Райх познакомился с П.А. Елько и Л.Ф. Ясевичем, которые были связаны с сформировавшейся в то время южно-русской организацией «Народной воли» и привлекли его к революционной пропаганде и познакомили с С.А. Ивановым. Именно у А.А. Райха с января по июль 1885 г. хранились принадлежности для типографии, которая была создана Б.Д. Оржихом осенью того же года в Таганроге. Типография была вскоре обнаружена полицией, затем жандармам стало известно и о том, что она раньше хранилась у А.А. Райха, поэтому в январе 1886 г. он был арестован и отправлен в столицу, где его поместили в тюрьму Трубецкого бастиона Санкт-Петербургской крепости (там уже находились те, кто работал непосредственно в таганрогской типографии) [3, д. 427, л. 67–82; 2, д. 593, л. 5, 9 об.]. На допросах А.А. Райх сразу стал давать откровенные показания и заявил, что после переезда в Киев порвал все связи с преступной средой (хотя каким-то образом передал народовольцам типографские принадлежности), и это было принято во внимание. В суд его дело передавать не стали, и в ноябре 1887 г. А.А. Райх был выслан административным порядком в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии на три года [3, д. 427, л. 88]. Тогда же аналогичная судьба постигла Александра Князева и Дмитрия Иваненко [1, с. 184, 187].

16 декабря 1887 г. был утвержден доклад министра юстиции о высылке на два года в Вологодскую губернию 33-летнего крестьянина Василия Дмитриевича Кузнецова, привлекавшегося к дознанию Одесским жандармским управлением. Его адрес был обнаружен среди бумаг одного из членов небольшого революционного кружка в Одессе (не связанного с партией «Народная воля»), а в квартире В.Д. Кузнецова нашли рукописи антиправительственного содержания. Но так как «дознанием не было обнаружено никаких данных, свидетельствующих об отношении Кузнецова к существующему движению», наказание было мягким. Поселился он в Сольвычегодске, вел примерный образ жизни и летом 1889 г. подал прошение о помиловании, которое в октябре того же года (то есть незадолго до завершения срока ссылки) было удовлетворено [3, д. 432, л. 94–97].

В марте 1888 г. в один из северо-восточных уездов Вологодской губернии был выслан 32-летний мещанин Василий Петрович Григорьев. Он тоже не был связан с партией «Народная воля», оказался лишь «злостным вольнодумцем». В 1885 г. Василий Петрович привлекался к дознанию при Тифлисском жандармском управлении и весной 1886 г. определен на жительство под надзором полиции в Уфимской губернии. Прибыв в Уфу, он подал прошение на имя министра внутренних дел, «в коем позволил себе употребить крайне дерзкие и оскорбительные выра-

жения», поэтому его перевели в город Златоуст. Оттуда он написал еще одно ходатайство в министерство с требованием увеличить ему пособие, это обращение оставили без ответа. А в сентябре 1887 г. в разговоре с одним из старообрядцев, живших в Златоусте, В.П. Григорьев «отрицательно высказался по поводу существующего государственного и общественного порядка». Он заявлял, что за царя и правительство молиться не следует и что не нужно платить платежи за землю. Правда, на допросе Василий Петрович пояснил, что он «высказывал не свои личные убеждения, а лишь учение старообрядцев федосеевской секты», но тем не менее министр юстиции посчитал целесообразным удалить его из той местности и отправить на Север [3, д. 428, л. 307–310].

В мае 1888 г. в вологодскую ссылку отправились 25-летний личный почетный гражданин Павел Степанович Ильченко, его жена Винцентина Болеславовна Ильченко и 24-летний дворянин, вольнослушатель Харьковского университета Юрий Федорович Крупянский. Они были привлечены к дознанию в связи с тем, что помогали скрываться в Екатеринославе (совр. Днепрпетровск) А.Н. Макаревскому, бежавшему из тюрьмы в Харькове. Супруги Ильченко ранее уже привлекались к различным дознаниям. Павел Степанович в 1884 г. был отчислен из Екатеринославской духовной семинарии из-за «политической неблагонадежности» и подчинен надзору полиции (без высылки из города), а Винцентина Болеславовна в 1886 г. была выслана из Киева, по распоряжению генерал-губернатора (тоже «за политическую неблагонадежность»), поселилась в Екатеринославе и там познакомилась со своим будущим мужем. Ю.Ф. Крупянский знал А.Н. Макаревского еще до 1885 г. (и тот и другой учились в Харькове) [3, д. 429, л. 77–79]. А.Н. Макаревский тоже был тесно связан с упоминавшейся выше группой Б.Д. Оржиха, в 1885 г. пытался освободить из заключения П.А. Елько и вскоре сам оказался под стражей. Осенью ему удалось бежать, некоторое время он жил за границей, в 1887 г. решил вернуться в Россию, приехал в Екатеринослав, но там его вскоре задержали, так как люди, с которыми он встречался (в том числе супруги Ильченко) находились под наблюдением полиции. А.Н. Макаревского решили выслать в Восточную Сибирь, а Ильченко и Ю.Ф. Крупянского – в северо-восточные уезды Вологодской губернии [3, д. 429, л. 91 об.–92].

Там же вскоре поселился 27-летний дворянин Петр Андреевич Латышев, выпускник Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, работавший земским врачом в Бессарабской губернии. Там он примкнул к группе социал-демократов, принимал участие в антиправительственной пропаганде, хранил у себя нелегальную литературу. После того как группа была раскрыта, его выслали в Сольвычегодск сроком на три года (в июне 1888 г.). Вскоре после прибытия в место ссылки ему было разрешено заниматься медицинской практикой (врачей в губернии не хватало), и он, судя по всему, зарекомендовал себя с лучшей стороны. Жил он вместе с женой, в ноябре 1890 г. ездил с разрешения губернатора в Вологду для консультации с вологодскими докторами в связи с ее болезнью и тогда же обратился с прошением об осво-

бождении от надзора полиции (до окончания срока оставалось полгода), чтобы получить возможность занять освободившуюся в то время вакансию ординатора. Так как в годы ссылки он вел себя «одобрительно», это прошение было поддержано товарищем министра внутренних дел и министром юстиции, и П.А. Латышев остался работать в Вологде [3, д. 434, л. 37–40].

В конце 1888 г. в Вологодскую губернию прибыла Павла Ивановна Воробьева – 31-летняя выпускница Вятского духовного училища, переехавшая в конце 1870-х годов в Киев и привлеченная там в 1882 г. к дознанию по делу о местных революционных кружках. Так как она не принимала активного участия в антиправительственной пропаганде, ее тогда подчинили надзору полиции в месте своего жительства, и она была вынуждена вернуться домой в Вятку (совр. Киров). При этом она продолжала поддерживать связи со своими киевскими товарищами, главным образом с А.И. Бычковым, который в 1883 г. был выслан в Иркутскую губернию, а в 1887 г. бежал оттуда. П.И. Воробьева не знала о побеге, продолжала писать ему письма, и они оказались перехвачены полицией. В этих письмах содержались сведения о тех участниках революционного движения, которые были арестованы в 1885–1886 гг., а у самой Павлы Ивановны при обыске обнаружили письма от А.И. Бычкова, Л.В. Чемодановой и С.И. Коган-Бернштейн. Поэтому министр юстиции, которому в ноябре 1888 г. было передано это дело, хоть и признал, что в письмах нет ничего предосудительного, но пришел к выводу, что П.И. Воробьева «не отрешилась еще от сочувствия противоправительственному движению и при таком направлении своих политических убеждений способна оказать содействие целям и стремлениям преступного сообщества». Естественно, наиболее надежным способом пресечь это он посчитал высылку П.И. Воробьевой в другую область и предложил поселить ее под надзором полиции в северо-восточных уездах Вологодской губернии [3, д. 430, л. 303–309].

Как мы можем убедиться, многие ссыльные лишь сочувствовали революционному движению. Собственно, практически все, кто оказался в конце 1880-х годов в Вологодской ссылке, были, по сути дела, не активными участниками антиправительственных организаций, а именно сочувствующими. Многие из них вскоре подавали прошения о помиловании. К серьезной борьбе с государственным порядком они не стремились (или оказались не готовы).

Большинство вологодских ссыльных того времени были народниками, но среди них уже появлялись те, кто поддерживал социал-демократов. Почти все вологодские ссыльные выросли и до ареста проживали в юго-западных губерниях Российской империи. Это, скорее всего, объясняется тем, что в середине 1880-х наиболее мощная организация партии «Народная воля» существовала именно там.

Литература

1. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, по делам о государственных преступлениях за время... – Санкт-Петербург, [б. и.], 1888. – [Т. 12: ... с 1-го января 1887 г. по 1-е января 1888 г. – 210 с.

2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1280. – Оп. 1.
3. РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 521.
4. Токарева, С.Н. Полицейский надзор в Российской империи / С.Н. Токарева // Вопросы истории. – 2009. – № 6. С. 94–104.

5. Троицкий, Н.А. Дело о военно-революционных кружках 1887 г. (Процесс «18-ти») / Н.А. Троицкий // Военно-исторические исследования в Поволжье. – Саратов, 2003. – Вып. 5. – С. 137–141.

N.R. Slavnitsky

**POLITICAL EXILE IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE LATE 1880S
(BASED ON THE ARCHIVES OF THE MINISTRY OF JUSTICE)**

The article is devoted to political exile in Vologda province in the end of the 1880s. Based on the documentary materials of the archives of the Ministry of Justice, judges of people sent to this area in administrative order are considered. The deportation to the Vologda province was not considered a severe punishment, therefore, mostly those who sympathized with the People's Will party and assisted the leaders of this organization turned out to be in it, and in the northern region there were several people from the south-western provinces. Also in exile at that time there were also the first social democrats. And many of those who found themselves in this province, soon after the arrival of petitions for pardon, which are most often satisfied.

Political exile, «Narodnaya Volya», Vologda Province, Solvychevodsk, Kadnikov.